

DOI: 10.31857/S032103910014828-3

УКАЗ И ПРОКЛЯТИЕ ЭДИПА
Софокл, «Царь Эдип», ст. 236–243

Б. М. Никольский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Вопрос, обсуждаемый в статье: против кого обращено проклятие Эдипа в ст. 236–243 трагедии Софокла «Царь Эдип». Высказано предположение о том, что адресатом проклятия является сразу и убийца Лая, и те, кто знают, но скрывают имя убийцы. Двусмысленность, или, вернее, непоследовательность, в тексте Софокла объясняется тем, что монолог выполняет сразу две риторические функции: в нем совмещены указ, содержащий требование раскрыть имя убийцы, и проклятие, направленное против убийцы. Риторическая двусмысленность монолога происходит от желания автора решить сразу две драматические задачи: с одной стороны, монолог начинает действие, состоящее в постепенном раскрытии убийства, с другой стороны, к этому проклятию персонажи будут обращаться на протяжении всего действия и оно определит будущую судьбу Эдипа.

Ключевые слова: трагедия, Софокл, Эдип, указ, проклятие, убийца

OEDIPUS' EDICT AND CURSE
Sophocles' *Oedipus Tyrannus*, 236–243

Boris M. Nikolsky

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-14002 АНФ_а

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский – доктор филологических наук, заведующий отделом античной литературы ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, профессор ВШЭ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-59-14002 АНФ_а.

The article deals with the problem of the addressee of Oedipus' curse in Sophocles' *Oedipus Tyrannus* 236–243. It is suggested that the curse is directed both against the murderer of Laius and against all potential informants who are concealing the murderer's name. The ambivalence, or rather the incongruity, of Sophocles' text is explained by the double rhetorical aim of Oedipus' monologue: it is at once an edict demanding to reveal the identity of the murderer and a curse against the murderer himself. The double rhetorical function of the monologue derives from its double dramatic role. On the one hand, it begins the action of the play, which consists in revealing the murderer's identity, and on the other hand, the curse acts as the play's leitmotif: it is cited throughout the tragedy and determines Oedipus' future fate.

Keywords: tragedy, Sophocles, Oedipus, edict, curse, murderer

Монолог Эдипа, начинающий первый эпизод трагедии Софокла «Царь Эдип», играет важнейшую роль и в развитии сюжета, и в тематической организации пьесы: Эдип объявляет здесь указ, требующий от фиванцев найти и выдать убийцу — указ, выполнить который будет суждено самому Эдипу, и он произносит здесь проклятие, которое в конце концов окажется обращенным против него самого. При этом монолог ставит перед нами множество проблем, относящихся и к текстологии, и к интерпретации текста. Один из таких вопросов мы попытаемся решить в этой статье.

Итак, Эдип провозглашает свой указ: он требует от граждан Фив, если кто-то из них знает убийцу Лая, поделиться с ним этим знанием (ст. 224–226):

ὄστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί·

Если кто-нибудь из вас знает, кто
Убил Лая, сына Лабдака,
Я велю все сообщить мне.

Тому, кто выдаст убийцу, Эдип обещает награду; если же убийца признается сам, то его освободят от наказания и он должен будет лишь покинуть страну (ст. 227–232):

κεῖ μὲν φοβεῖται τοῦπικλήμ' ὑπεξελὼν
αὐτὸς κατ' αὐτοῦ· — πείσεται γὰρ ἄλλο μὲν
ἄστεργές οὐδέν, γῆς δ' ἄπεισιν ἀβλαβής —
εἰ δ' αὖ τις ἄλλον οἶδεν ἐξ ἄλλης χθονὸς
τὸν αὐτόχειρα, μὴ σιωπάτω· τὸ γὰρ
κέρδος τελῶ ἴγῳ χῆ χάρις προσκείσεται.

И даже если кто боится, извлеки обвинение
Против себя самого: с ним не случится никакой другой
Беды, он лишь уйдет из нашей земли невредимым.
И если кто знает про чужого, из другой страны,
Что тот — убийца, пусть он не молчит. Я
Дам ему плату, а в придачу будет ему моя благодарность.

Вслед за тем Эдип объявляет, каковы будут его действия в случае, если фиванцы станут молчать и скрывать убийцу (ст. 233–243):

εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καὶ τις ἢ φίλου
δείσας ἀπάσει τοῦπος ἢ χαυτοῦ τόδε,
ἄκ τῶνδε δράσω, ταῦτα χρῆ κλυεῖν ἐμοῦ.
τὸν ἀνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς
τῆσδ', ἧς ἐγὼ κράτη τε καὶ θρόνους νέμω,

μήτ' ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά,
 μήτ' ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν
 κοινὸν ποιεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν·
 ὠθεῖν δ' ἄλ' οἴκων πάντας, ὡς μιάσματος
 τοῦδ' ἡμῖν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
 μαντεῖον ἐξέφηεν ἀρτίως ἐμοί.

Но если вы будете молчать и если кто
 Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя,
 Стоит вам услышать, что я сделаю тогда.
 Этого человека, кто бы он ни был, всем в нашей стране,
 Над которой я держу власть и трон,
 Я запрещаю принимать у себя, и общаться с ним,
 И допускать его до участия в молитвах богам и в жертвах,
 И уделять ему очистительной святой воды.
 Но пусть все гонят его прочь от своих домов, зная,
 Что это — наша скверна, как только что открыло мне
 Пифийское пророчество бога.

Этот указ он объясняет своим ревностным стремлением исполнить оракул Аполлона, потребовавшего найти убийцу Лая, и желанием помочь погибшему царю (ст. 244–245):

ἐγὼ μὲν οὖν τοιοῦσδε τῷ τε δαίμονι
 τῷ τ' ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω.
 Я — вот такой союзник божеству
 И погибшему.

Завершает Эдип свой указ еще двумя дополнительными проклятиями — обращенными к убийце и к самому себе, если он сознательно скрывает убийцу в своем доме (ст. 246–251):

κατεύχομαι δὲ τὸν δεδραχότ', εἴτε τις
 εἰς ὧν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα,
 κακὸν κακῶς νιν ἄμωρον ἐκτρίψαι βίον.
 ἐλεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
 ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότης,
 παθεῖν ἄπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην.

А совершивший это, я молю, — был ли он один
 Или среди большего числа, что неизвестно нам, —
 Пусть он так же мерзко, как и сам он мерзок, изотрет в несчастьях свою жизнь.
 И о себе я молю — если в моем доме
 Я буду делить с ним очаг, зная это,
 То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы.

Интерпретация этого текста вызывает множество споров. Один из главных вопросов, стоящих перед комментаторами, касается слов τὸν ἄνδρ' ἀλαυδῶ τοῦτου в ст. 236. Кого Эдип имеет здесь в виду?

Большинство ученых¹ полагают, что приказ исключить «этого человека» из социальной жизни в городе должен относиться к убийце. У такой точки зрения есть убедительные основания.

¹ Blaydes 1859, 49, комм. к ст. 242; Schneidewin 1856, 54, комм. к ст. 236–237; Ribbeck 1858; Ribbeck 1861; Jebb 1914, 43 (перевод «that murderer»); Lloyd-Jones, Wilson 1990, 86; Finglass 2018, 247–249, комм. к ст. 236–240.

Во-первых, Эдип в ст. 241–243 указывает на причину, по которой «этому человеку» следует отказать в общении и в участии в совместных жертвоприношениях: он является носителем μίασμα, как поведал оракул. Мы знаем, что оракул, призывая изгнать из города μίασμα, имел в виду именно убийцу Лая. Креонт, передавая повеление оракула в прологе, сначала цитирует этот оракул: ἄνωγεν ἡμᾶς Φοῖβος ἐμφανῶς, ἄναξ, / μίασμα χώρας, ὡς τεθραμμένον χθονὶ / ἐν τῆδ', ἐλαύνειν μηδ' ἀνήγεστον τρέφειν «Владыка Феб дает ясный приказ, чтобы мы / Изгнали скверну страны, которую, по его словам, мы питаем / В нашей земле, и не питали бы дальше, пока она станет неисцелимой» (ст. 96–98), – а затем объясняет, что носителем скверны является убийца: νῦν ἐπιστέλλει σαφῶς / τοὺς αὐτοέντας χειρὶ τιμωρεῖν τινας «Он погиб, и бог ясно требует от нас / Покарать его убийц» (ст. 106–107).

Во-вторых, слова повеления Эдипа несколько раз повторяются в трагедии дальше, и персонажи, вспоминая их, всегда относят их к убийце. Сначала к нему обращается Тиресий. Раздосадованный гневом Эдипа, не понимающего, почему прорицатель скрывает от него имя убийцы, Тиресий говорит (ст. 350–353):

ἐννέπω σὲ τῷ κηρύγματι
ᾧπερ προεῖπας ἐμμένειν, κάφ' ἡμέρας
τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τοῦσδε μήτ' ἐμέ,
ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίφ μιάστορι.

Я велю тебе выполнять
То решение, что ты провозгласил, и с нынешнего дня
Не обращаться с речью ни к этим людям, ни ко мне,
Поскольку ты и есть нечестивый осквернитель нашей земли.

Когда Эдип просит его объяснить эти слова (ἀλλ' αὖθις φράσον «Скажи опять», 361), Тиресий отвечает: φονέα σέ φημι τάνδρος οὗ ζητεῖς κυρεῖν «Я утверждаю, что ты и есть убийца того человека, (убийцу) которого ты ищешь» (362).

Затем уже сам Эдип начинает догадываться, что убитый им чужеземец мог быть Лаем, и с ужасом вспоминает собственное проклятие (ст. 815–820):

τίς τοῦδε γ' ἀνδρὸς νῦν ἂν ἀθλιώτερος,
τίς ἐχθροδαίμων μᾶλλον ἂν γένοιτ' ἀνὴρ,
ὄν μὴ ξένων ἔξεστοι μηδ' ἀστῶν τινα
δόμοις δέχεσθαι, μηδὲ προσφωνεῖν τινα,
ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων; καὶ τάδ' οὔτις ἄλλος ἦν
ἢ γ' ὡς ἐμαυτῷ τάσδ' ἄρα εἰς ὁ προστιθείς.

Кто теперь мог бы быть несчастнее,
Какой человек был бы ненавистнее богам, чем я,
Кого никто, ни из граждан, ни из чужеземцев,
Не вправе принимать у себя, и с кем никто не вправе общаться,
Но должен гнать прочь от дома? И это, эти проклятия,
Обратил против себя я сам, никто другой.

Наконец, Эдип вновь вспоминает об этом проклятии в конце пьесы, когда он узнает страшную тайну о себе и окончательно убеждается в том, что его проклятие обращено против него самого. Он желает броситься прочь из страны и не оставаться более в своем доме, поскольку подпадает под произнесенное им проклятие (ὡς ἐκ χθονὸς ῥίψων ἑαυτόν, οὐδ' ἔτι / μενῶν δόμοις ἀραῖος, ὡς ἠράσατο, 1290–1291).

С другой стороны, некоторые комментаторы относят это повеление Эдипа не к убийце, а к тем фиванцам, которые станут скрывать имя убийцы². Такую интерпретацию тоже можно обосновать достаточно вескими аргументами.

Во-первых, этот смысл вытекает из логического развития Эдиповой речи. Сначала Эдип обещает награду тому, кто не станет молчать и раскроет личность убийцы (ст. 227–232). Следующая часть, начинающаяся словами εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, очевидно, должна содержать в себе угрозу или предостережение тем, кто не исполнит указа и не выдаст убийцы.

Во-вторых, слова Эдипа в ст. 249–251 ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἡρασάμην «И о себе я молю — если в моем доме / Я буду делить с ним очаг, зная это, / То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы», выражающие готовность героя принять проклятие на себя, если он укрывает убийцу в своем доме, понятны, только если до этого он произнес то же проклятие в адрес других фиванцев (ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἡρασάμην).

В-третьих, только если проклятие Эдипа обращено против знающих убийцу и не доносящих на него, можно объяснить ответ хора на его монолог в ст. 276–278 ὥσπερ μ' ἀραῖον ἔλαβες, ὧδ', ἀναξ, ἐρῶ. / οὐτ' ἔκτανον γὰρ οὔτε τὸν κτανόντ' ἔχω / δεῖξαι «Поскольку, владыка, ты связал меня проклятием, под клятвой я буду говорить. / Я не убивал и не могу указать на того, / Кто убил». Комментаторы обычно полагают, что, называя себя ἀραῖος «подведенным под проклятие», хор отсылает к заключительным словам монолога Эдипа, где герой призывает богов и дальше посылать несчастья тем, кто не исполнит его указ: καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὐχομαι θεοὺς / μήτ' ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ' οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ πότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ' ἐχθίονι «А для тех, кто не станет делать так, — / Пусть боги не дают их земле приносить урожаи / И их женам рожать детей, но пусть их губит / Такая участь, как сейчас, и еще страшнее этой» (ст. 269–272)³. Однако сочетание двух признаний οὐτ' ἔκτανον ... οὔτε τὸν κτανόντ' ἔχω δεῖξαι слишком напоминает то ранее определенное Эдипом условие, при котором следует исключить виновного из общественной жизни: εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καὶ τις ἢ φίλου / δείσας ἀλώσει τοῦλος ἢ χαυτοῦ τότε «Но если вы будете молчать и если кто / Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя» (ст. 233–234). Кроме того, выражение μ' ἀραῖον ἔλαβες совпадает с приведенными выше словами из финала трагедии, где сам Эдип оказывается «подведенным под проклятие»: ἀραῖος, ὡς ἡράσατο, словами, которые отсылают именно к его указу об исключении из общественной жизни.

Наконец, только при такой интерпретации проклятия понятен обмен репликами между Эдипом и хором, следующий после монолога Эдипа (ст. 292–296). Герой выражает здесь сожаление, что, хотя все слышали о том, что Лая убили какие-то путники, никто не видел убийцу (τὸν δὲ δρῶντ' οὐδεὶς ὄρᾳ, 293). Хор предполагает, однако, что если убийце ведом страх, то он не устоит перед проклятием Эдипа (ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δεῖματός γ' ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ

² Classen 1861; Knox 1957, 81–82; 1959; Carawan 1999.

³ См. Finglass 2018, 261, комм. к ст. 276–278.

τοῖσδ' ἄράς, 294–295). У этой реплики может быть только один смысл: по мнению хора, убийца непременно расскажет о своем поступке и тогда освободится от проклятия⁴. Значит, хор считает проклятие действующим только в том случае, если убийца скрывается; именно сокрытие тайны, а не убийство само по себе, является основанием для настоящего наказания.

Итак, как мы видим, требование Эдипа в ст. 236–243 можно понимать двумя способами, и в пользу каждой интерпретации есть убедительные доказательства. Каждый комментатор выбирает одну из этих двух трактовок и отвергает другую, что всегда приводит к искусственному или просто неверному пониманию слов и самого этого указа, и других связанных с ним пассажей. Посмотрим сначала, какие ошибки допускают те ученые, которые относят проклятие к фиванцам, укрывающим убийцу, отрицая, что оно может относиться к самому убийце.

Начнем с текста этого повеления. Как я отметил выше, Эдип требует исключить «этого человека» из жизни в городе, ссылаясь на оракул, который указал на существование в городе μῖασμα (ст. 241–243):

...ὡς μῖασματος
τοῦδ' ἡμῖν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ
μαντεῖον ἐξέφηεν ἀρτίως ἐμοί.,

...зная,
Что это – наша скверна, как только что открыло мне
Пифийское пророчество бога.

Естественно было бы связывать μῖασμα именно с убийцей и понимать вводимый союзом ὡς причастный оборот в причинном значении – так же, как он употреблен далее, когда это проклятие повторяет Тиресий, относя его к убийце Эдипу ἐννέλω σὲ... / <...> / ...προσαυδᾶν μήτε τοῦσδε μήτ' ἐμέ, / ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίφ μῖαστορι (ст. 350–353). Обычно в тоῦδε видят родительный падеж мужского рода от ὄδδε; мы остановимся подробнее на этой фразе дальше и предложим несколько иную ее интерпретацию, однако в любом случае очевидно, что именно убийца является главным носителем μῖασμα и именно с убийцей связывает μῖασμα оракул, о котором упомянул Эдип (ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηεν ἀρτίως ἐμοί, 242–243). Нокс в своем переводе⁵, относя слова Эдипа не к убийце, а к человеку, знающему, но скрывающему правду, понимает первое ὡς, вводящее причастный оборот, не в причинном, а в сравнительном значении – «как если бы он сам был носителем скверны» (as if he were himself the source of infection). Кэревен видит здесь еще более сильное, прямое утверждение; по его мнению, зрителям и так ясно, что посвященный в тайну убийства является носителем скверны, поэтому причастный оборот может иметь и причинный смысл (all must drive him from homes as a defiler of us all). Но в обоих случаях неясной оказывается отсылка

⁴ Фингласс понимает это место иначе. Он считает, что, по мнению хора, убийца в страхе перед проклятием Эдипа должен бежать. Однако едва ли тайное бегство убийцы могло бы рассматриваться как исполнение воли Аполлона и удовлетворило бы Эдипа. Фингласс в подтверждение своей точки зрения ссылается на слова из первого стасима ὄρα νῦν / ἀελλάδων / ἵππων σθεναρότερον / φυγᾶ πόδα νομᾶν (ст. 466–468), но там бегство – это поэтический образ, описывающий уход убийцы в изгнание.

⁵ Knox 1959.

к словам оракула — оракул ведь не говорил о том, что гнать нужно того, кто знает, но скрывает убийцу, или что именно с этим человеком связана скверна. Кэрвен оставляет эту непоследовательность в своей интерпретации без объяснения, а Нокс в своем переводе просто сглаживает ее. Он полагает, что ссылка на Аполлона объясняет только слово $\mu\acute{\iota}\alpha\sigma\mu\alpha$, а не весь предшествующий оборот (as if he were himself the source of infection *which* Apollo's oracle has just made known to me). В таком случае, однако, в греческом тексте должно было бы стоять δ , а не $\acute{\omega}\varsigma$.

Кэрвен пытается отнести к потенциальному информанту и все последующие пассажи, возвращающие нас к этому проклятию⁶. По его мнению, когда Тиресий в гневе приоткрывает Эдипу тайну, заявляя, что тот сам должен подвергнуться определенному им наказанию ($\acute{\epsilon}\nu\nu\acute{\epsilon}\lambda\tau\omega\ \sigma\acute{\epsilon}\ \tau\acute{\omega}\ \kappa\eta\rho\acute{\upsilon}\gamma\mu\alpha\tau\iota$ / $\acute{\omega}\lambda\tau\epsilon\rho\ \pi\rho\omicron\epsilon\iota\lambda\alpha\varsigma\ \acute{\epsilon}\mu\mu\epsilon\nu\epsilon\iota\nu$, 350—351), он говорит лишь о том, что Эдип знает убийцу, но пока еще не называет убийцей его самого. Но как же быть тогда со следующим утверждением Тиресия, в котором он проясняет смысл своего загадочного намека? Тиресий говорит здесь прямо: $\phi\omicron\nu\acute{\epsilon}\alpha\ \sigma\acute{\epsilon}\ \phi\eta\mu\ \tau\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \omicron\tilde{\upsilon}\ \zeta\eta\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \kappa\upsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ — «Я утверждаю, что ты и есть убийца того человека, которого ты ищешь» (ст. 362). По мнению Кэрвена, $\phi\omicron\nu\acute{\epsilon}\alpha$ употреблено в этой фразе в значении не «убийцы», а «виновного в той же мере, что и убийца». Такая интерпретация, разумеется, невозможна и вызвана лишь желанием ученого вычитать в реплике нужный ему смысл. Это же желание ведет его и к весьма сомнительной трактовке двух других пассажей, в которых о проклятии вспоминает сам Эдип — сначала опасаясь, что он может оказаться убийцей (ст. 813—820), а затем убедившись в этом (ст. 1290—1291). По его мнению, Эдип имеет в виду здесь лишь свое «дополнительное» проклятие, обращенное им к самому себе в том случае, если он скрывает убийцу у себя в доме (ст. 249—251). Сложно поспорить с тем, что он неслучайно произносит это «дополнительное» проклятие и что оно также отзывается в конце драмы, однако главная и наиболее трагичная переключка возникает здесь, безусловно, с его самым сильным и наиболее эмоциональным повелением, высказанным им в ст. 236—243, и возникает она, поскольку Эдип оказывается убийцей, а не тем, кто знает, но скрывает правду.

С другой стороны, тем комментаторам, которые связывают ст. 236—243 исключительно с убийцей, тоже приходится для доказательства своего мнения прибегать к надуманным толкованиям.

Обратимся сначала к самому требованию исключить виновного из общения и к контексту, в котором оно звучит. Сначала Эдип обещает снисхождение или награду тем, кто расскажет о преступлении. Затем он начинает говорить о том, что готов он сделать в случае, если фиванцы будут молчать. Естественно, его слова должны звучать угрозой, и угроза должна быть обращена к тем, кто слушается, т.е. к тем, кто будет молчать (ст. 233—235):

$\epsilon\acute{\iota}\ \delta'\ \alpha\tilde{\upsilon}\ \sigma\omega\lambda\eta\sigma\epsilon\sigma\theta\epsilon,\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \tau\iota\varsigma\ \eta\ \phi\acute{\iota}\lambda\omicron\upsilon$
 $\delta\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\ \tau\omicron\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\varsigma\ \eta\ \chi\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \tau\acute{\omicron}\delta\epsilon,$
 $\acute{\alpha}\kappa\ \tau\acute{\omega}\nu\delta\epsilon\ \delta\rho\acute{\alpha}\sigma\omega,\ \tau\acute{\alpha}\tilde{\upsilon}\tau\alpha\ \chi\rho\eta\ \kappa\lambda\upsilon\epsilon\acute{\iota}\nu\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\tilde{\upsilon}.$

Но если вы будете молчать и если кто
 Станет в страхе отводить обвинение от своего друга или от себя,
 Стоит вам услышать, что я сделаю тогда.

⁶ Carawan 1999, 213—217.

Комментаторы, для которых последующее проклятие обращено к убийце, вынуждены понимать эти три стиха иначе. Генри и вслед за ним Фингласс объясняют их так⁷. По их мнению, Эдип не угрожает, а готов согласиться с тем, что убийцу не выдадут. Своим требованием исключить убийцу из социальной жизни он хочет только лишь уменьшить риск скверны — он ждет от фиванцев, чтобы они, если уж они не готовы совсем избавиться от скверны, по крайней мере ограничили ее, прекратив общение с убийцей. Так, кстати, понимает это место и Шервинский, который переводит его:

Но если *даже* вы и умолчите,
За друга ли страшась иль за себя, —
Дальнейшую мою узнайте волю:
Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить...

Такая интерпретация не только ослабляет значение этого требования, лишая его силы грозного проклятия, способного отзываться в решающие моменты драмы, она невозможна и грамматически. В футуральном условном предложении $\epsilon\acute{\iota} \delta' \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \sigma\omega\lambda\eta\sigma\epsilon\sigma\theta\epsilon, \kappa\alpha\acute{\iota} \tau\iota\varsigma \eta\ \phi\acute{\iota}\lambda\omicron\upsilon / \delta\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\varsigma \acute{\alpha}\lambda\omega\sigma\epsilon\iota \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma \eta\ \chi\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \tau\omicron\delta\epsilon$ употреблен не конъюнктив, а эмфатические формы будущего времени, которые должны выражать значение наставления или угрозы. Таким образом, повеление Эдипа может быть только угрозой, адресованной тем, кто откажется говорить.

Те, кто относит проклятие Эдипа исключительно к убийце, обращают внимание на выражение $\tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu$ в ст. 236. По мнению Фингласса, обобщающее $\tau\iota\varsigma$, стоящее в придаточном предложении, не может быть продолжено этой эмфатической и очень конкретной фразой, и потому $\tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu$ не может относиться к тем, кто молчит — оно обязательно должно относиться к убийце⁸. Этот аргумент, однако, ошибочен. Мы встречаем похожее употребление $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma \acute{\omicron} \acute{\alpha}\nu\eta\rho$ в общем, а не в конкретном значении, и тоже с отсылкой к предшествующему предложению, например в «Антигоне», ст. 666–671:

$\acute{\alpha}\lambda\lambda' \delta\nu \lambda\omicron\lambda\iota\varsigma \sigma\tau\eta\sigma\epsilon\iota\epsilon, \tau\omicron\upsilon\delta\epsilon \chi\rho\eta \kappa\lambda\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$
 $\kappa\alpha\acute{\iota} \sigma\mu\kappa\rho\acute{\alpha} \kappa\alpha\acute{\iota} \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\alpha \kappa\alpha\acute{\iota} \tau\acute{\alpha}\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\alpha.$
 $\kappa\alpha\acute{\iota} \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu \acute{\alpha}\nu \tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha \theta\alpha\rho\sigma\omicron\iota\eta\nu \acute{\epsilon}\gamma\omega$
 $\kappa\alpha\lambda\omega\varsigma \mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\nu, \acute{\epsilon}\upsilon\ \delta' \acute{\alpha}\nu \acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota \theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\nu,$
 $\delta\omicron\rho\acute{\omicron}\varsigma \tau' \acute{\alpha}\nu \acute{\epsilon}\nu \chi\epsilon\iota\mu\acute{\omega}\nu\iota \pi\rho\omicron\sigma\tau\epsilon\tau\alpha\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$
 $\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\nu \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\nu \kappa\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omicron}\nu \pi\alpha\rho\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\eta\nu.$

Кого назначит город, того нужно слушаться
И в малом, и в большом, и в правом, и в неправом,
И я могу быть уверен, что этот человек (т.е. тот, кто станет слушаться)
Стал бы так же хорошо управлять, как он соглашается быть хорошо управляемым,
И в буре копья будет твердо стоять на своем месте
Правым и добрым защитником.

Здесь $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu \tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha$ относится к еще более обобщенному персонажу — даже не к $\tau\iota\varsigma$, а невыраженному неопределенному субъекту глагола $\kappa\lambda\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$. В другом

⁷ Henry 1969, 126; Finglass 2018, 248.

⁸ Finglass 2018, 248.

примере, из «Филоктета» (ст. 456–458), совершенно как и в словах Эдипа, οὔτοι οἱ ἄνδρες в главном предложении резюмирует предшествующее придаточное, так-же имеющее обобщающий смысл (его вводит ὅπου «всюду где»):

ὅπου δ' ὁ χείρων τὰγαθοῦ μεῖζον σθένει
κἀποφθίνει τὰ χρηστὰ χά δειλὸς κρατεῖ,
τούτους ἐγὼ τοὺς ἄνδρας οὐ στέρξω ποτέ.

Там, где худший сильнее доброго
И где честность уступает и подлый побеждает, –
Такие люди никогда не станут моими друзьями.

Тем комментаторам, которые видят в τοὔτον τὸν ἄνδρα убийцу, а не того, кто его укрывает, приходится как-то обходиться и с тем проклятием, которое Эдип обратил против себя. Эдип говорит (ст. 249–251):

ἐπεύχομαι δ', οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος
ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότης,
παθεῖν ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην.

И о себе я молю – если в моем доме
Я буду делить с ним очаг, зная это,
То пусть со мной случится то же, что я сейчас призывал на их головы.

Местоимение τοῖσδε должно отсылать к хору, к фиванцам; следовательно, Эдип говорит здесь о готовности принять на себя то наказание, которым он только что угрожал гражданам Фив. Если предполагать, что высказанное им только что требование исключить из общения касалось всякого фиванца, не доносящего на убийцу, это новое проклятие понятно и стоит на своем месте. Если же под τοὔτον τὸν ἄνδρα имелся в виду убийца, какой смысл тогда несут в себе слова ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην? Почему Эдип употребляет это указательное местоимение, указывающее на присутствующее лицо, и к тому же во множественном числе? Джебб и Кэмпбелл полагают, что ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην отсылает к проклятию в адрес убийцы, произнесенному в ст. 246–248: κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἷς ὃν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμωρον ἐκτρίψαι βίον «А совершивший это, я молю, – был ли он один / Или среди большего числа, что неизвестно нам, – / Пусть он так же мерзко, как и сам он мерзок, изотрет в несчастьях свою жизнь». Они полагают, что множественное число τοῖσδε вытекает из предположения Эдипа о том, что убийц могло быть несколько (εἴτε τις εἷς ὃν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα)⁹. Однако едва ли героя настолько заботит это предположение, чтобы начать говорить об убийцах во множественном числе; фраза εἴτε τις εἷς ὃν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα – это скорее риторическое перечисление всех существующих возможностей, нежели самостоятельное суждение. Еще более очевидное возражение можно привести, обратив внимание на наречие ἀρτίως. По мнению Джебба и Кэмпбелла, оно должно отсылать к предыдущей фразе. Однако в тех случаях, когда ἀρτίως указывает на какие-то слова, прежде сказанные в тексте, оно всегда возвращает нас к ним назад – возвращает после иной беседы, иных рассуждений или иных событий. «Как я только что сказал» звучит всегда напомниманием; это выражение не может

⁹ Jebb 1914, 44, комм. к ст. 246 и 45, комм. к ст. 251; Campbell 1879, 162, комм. к ст. 246–251.

следовать непосредственно после сказанных слов (ср. все примеры из Софокла: ἀρτίως в «Аяксе» 1321 возвращает к предыдущей сцене, заканчивающейся на ст. 1315, в «Электре» 347 – к ст. 333–334, 481 – к 417–423, в «Царе Эдипе» 243 и 474 – к 96–98, 726 – к 716, 745 – к проклятию в ст. 236–237, 1054 – к 859–860, в «Трахинянках» 346 – к 248–290, в «Филоктете» 764 – к 656–657). Другие комментаторы и издатели предпочитают исправлять текст. Риббек перенес эти стихи в конец монолога, вставив их после заключительного проклятия Эдипа, обращенного против всех тех, кто не исполнит его указа (καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν εὐχομαι θεοὺς / μήτ' ἄροτον αὐτοῖς γῆς ἀνιέναι τινὰ / μήτ' οὖν γυναικῶν παῖδας, ἀλλὰ τῷ λότμῳ / τῷ νῦν φθερεῖσθαι κἄτι τοῦδ' ἐχθίονι, 269–272)¹⁰. Однако это обобщающее проклятие прекрасно завершает монолог, и упоминание затем частного случая Эдипа нарушает риторическую концовку; кроме того, оно неудачно вторгается между этим проклятием и таким же обобщающим пожеланием благоденствия всем тем, кто согласится исполнять повеления царя (ὕμῖν δὲ τοῖς ἄλλοισι Καδμείοις, ὅσοις / τάδ' ἔστ' ἀρέσκοινθ', ἢ τε σύμμαχος Δίκη / χοῖ πάντες εὖ ξυνεῖεν εἰσαεῖ θεοί, 273–275). Финглас и Ллойд-Джонс вслед за Векляйном исключают ст. 249–251 из текста¹¹; однако в этих стихах присутствует и, возможно даже, сильнее всего выражена та трагическая ирония, которой исполнен весь монолог Эдипа, – ирония, заключающаяся в том, что Эдип действительно обращает свои слова на себя самого.

Из всего сказанного выше может следовать один только вывод: обе интерпретации повеления Эдипа отказать виновному в общении верны, оно направлено и против убийцы, и против тех из фиванцев, кто скроет правду. Его проклятие оказывается двусмысленным¹², или, вернее, непоследовательным. В том контек-

¹⁰ Ribbeck 1858.

¹¹ Wecklein 1880; Finglass 2018, 251; Lloyd-Jones 1994.

¹² Предположение о двойной референции проклятия высказал Дайсон, который усматривает здесь сознательную авторскую двусмысленность (Dyson 1973, 205–206). По его мнению, важный факт, известный зрителям, но непонятный пока Эдипу, – это тождество свидетеля и убийцы, и амбивалентность проклятия должна подчеркивать, для осведомленной публики, это тождество. Еще один пример того же отождествления Дайсон находит в следующей за монологом беседе Эдипа с хором (ст. 292–296), уже упоминавшейся выше. Здесь на слова хора о гибели Лая θανεῖν ἐλέχθη πρός τινῶν ὀδοιπόρων (ст. 292) Эдип, согласно рукописному чтению, отвечает: ἦκουσα κἀγώ· τὸν δ' ἰδόντ' οὐδεὶς ὄρη (ст. 293). При таком чтении речь должна идти о свидетеле, скрывающемся и тем самым скрывающем правду. Следующая реплика хора ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δειματός γ' ἔχει μέρος / τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ τοιάσδ' ἄράς (ст. 294–295) в этом случае должна тоже относиться к свидетелю. Однако Эдип неожиданно относит ее не к свидетелю, а к убийце: ᾗ μὴ ὅτι δρῶντι τάρβος, οὐδ' ἔπος φοβεῖ (ст. 296). По мнению Дайсона, здесь вновь мы сталкиваемся с отождествлением свидетеля и убийцы – идеей, которая, как считает исследователь, сидит «глубоко в сознании царя». Эта интерпретация, однако, никак не может быть верной. Во-первых, мы должны предполагать, что слова персонажа выражают не его мысли, а его подсознательные представления, что чуждо всему строю греческой трагедии. Во-вторых, Эдип убежден в том, что у этого убийства не было постороннего свидетеля. Единственный человек, присутствовавший при нем и оставшийся в живых, – это один из слуг Лая, который, как доложили Эдипу, в страхе убежал и не видел ничего, кроме того, что убийц было много (118–123). Потому мы,

сте, в котором звучат эти слова, мы ждем угрозы в адрес укрывателя убийцы, однако само по себе повеление скорее должно относиться к убийце; затем в течение драмы эти слова наделяются то одним, то другим смыслом.

Можно высказать некоторые предположения о причинах этой непоследовательности. Она может быть обусловлена тем, что Софокл, строя монолог Эдипа, стремится одновременно решить две драматические задачи. Во-первых, монолог начинает действие, заключающееся в постепенном раскрытии убийства Лая. Эдип должен провозгласить указ, позволяющий ему начать поиски убийцы — указ, требующий от фиванцев назвать убийцу. Развязкой этой сюжетной линии станет момент узнавания, т. е. обнаружение убийцы. Во-вторых, здесь Софокл ставляет Эдипа произнести в адрес убийцы проклятие, которое также будет иметь важнейшее значение для сюжета: автор будет возвращаться к нему на протяжении всей драмы, и оно определит судьбу Эдипа после узнавания. Обе эти задачи автор решает, иронически подчеркивая непонимание Эдипом своего положения. С одной стороны, герой требует поделиться с ним информацией, не понимая, что он сам и владеет ею. С другой стороны, он угрожает наказанием убийце, не понимая, что он сам этим убийцей и является.

Эти две композиционные задачи определяют и две риторические функции монолога — он оказывается одновременно и указом, обращенным к фиванцам, и проклятием убийце. Начинается он как указ, содержащий требование разоблачить убийцу (ст. 224–226):

ὅστις λοῦθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου
 κάτοιδεν ἄνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο,
 τοῦτον κελεύω πάντα σημαίνειν ἐμοί.
 Если кто-нибудь из вас знает, кто
 Убил Лая, сына Лабдака,
 Я велю все сообщить мне.

Затем Софокл обращается к типичной для указов формуле — обещает награду законопослушным гражданам и грозит наказанием тем, кто не подчинится¹³. Естественно, награда полагается тем, кто расскажет об убийце, а наказание — тем,

несомненно, должны вместе с Финглассом (Finglass 2018, 264, комм. к ст. 293) принять конъектуру в ст. 293 τὸν δὲ δρῶντ' οὐδεὶς ὀρᾷ.

С Дайсоном невозможно согласиться не только из-за неверного прочтения им ст. 293. Тождество свидетеля и убийцы не может быть таинственной истиной, известной зрителям, но ускользающей до поры до времени от Эдипа. Это тождество — очевидный факт для всех: убийца всегда является свидетелем своего преступления. Прекрасно понимает это и Эдип, дважды повторяя в своем указе, что убийца обязан донести на себя (ст. 227–228 и 234); не понимает он того, что сам является этим убийцей и свидетелем. Таким образом, если амбивалентность этого пассажа специально задумана автором, цель ее объяснить не удастся.

¹³ Похожий контраст мы встречаем, например, в указе Креонта в «Антигоне». Креонт назначает посмертные почести Этеоклу, посмертное наказание — отказ в погребении — Полинику, сражавшемуся против родного города, и заканчивает свой эдикт словами, подчеркивающими противоположное отношение к законопослушным и к негодным гражданам: τοιοῦνδ' ἐμὸν φρόνημα, κοῦπλοτ' ἐκ γ' ἐμοῦ / τιμῆ προέξουσ' οἱ κακοὶ τῶν ἐνδίκων. / ἀλλ' ὅστις εὖνους τῆδε τῆ πόλει, θανάων / καὶ ζῶν ὁμοίως ἐκ γ' ἐμοῦ τιμήσεται (ст. 207–210).

кто станет молчать. Однако поэт хочет вписать в этот контекст еще одну, совсем другую тему – наказание убийцы, и он вводит убийцу в обе части этой формулы. Оказывается, что прежде всего от самого убийцы Эдип и ждет информации. Если убийца откроется, то он лишь удалится из страны, не понеся никакого иного наказания (*κεῖ μὲν φοβεῖται τοῦπικλῆμ' ὑπεξελών / αὐτὸς κατ' αὐτοῦ* – *λείσεται γὰρ ἄλλο μὲν / ἄστεργές οὐδέν, γῆς δ' ἄλεισιν ἀβλαβής*, – «И если он боится (рассказать), вынудив обвинение сам против себя, то ведь с ним не случится никакой другой беды, и он уйдет из нашей земли невредимым», 227–229); если же он не исполнит требования Эдипа и продолжит скрываться, он будет (разумеется, после разоблачения) исключен из социальной жизни в городе. Убийца становится главным объектом угрозы Эдипа. Хотя царь и упоминает вместе с ним тех его близких, кто может его укрывать (*καὶ τις ἢ φίλου / δείσας ἀλώσει τοῦτο*, 233–234), важен Софоклу именно сам убийца. Он назван в конце этого условного придаточного предложения (*ἢ χαῦτοῦ*, 234), так что фразу *τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον* зрители должны отнести прежде всего к нему.

Это вплетение проклятия убийцы в указ, требующий поделиться информацией, рождает и другие проблемы помимо смысловой двойственности самого проклятия. Во-первых, не совсем ясно, чем судьба убийцы, если он сознается, на деле будет отличаться от его судьбы, если он будет молчать. И в том, и в другом случае ему грозит изгнание. И его уход из страны безо всякого другого ущерба для него в первом случае, и его исключение из жизни в городе во втором, по сути, являются одинаковым наказанием: и то, и другое означает изгнание. Контраст создается здесь исключительно риторически, противопоставлением слову *ἀβλαβής* длинной череды фраз, выражающих идею наказания: *μήτ' ἐσδέχεσθαι μήτε προσφωνεῖν τινά, / μήτ' ἐν θεῶν εὐχαῖσι μήτε θύμασιν / κοινὸν ποιεῖσθαι, μήτε χέρνιβος νέμειν / ὠθεῖν δ' ἀπ' οἴκων πάντας* (ст. 238–241).

Вторая проблема, которую приходится решать автору, – как превратить эту угрозу наказания, являющуюся изначально частью указа, в проклятие. Это необходимо Софоклу для того, чтобы далее в трагедии, при обращении к этому пассажи, он звучал с особой силой и действительно определял всю последующую судьбу героя: за исполнением наказания, на которое он сам себя обрек, должны надзирать боги. Потому Эдип сразу же делает свой указ проклятием. Торжественно завершая указ словами *ἐγὼ μὲν οὖν τοιοῦδε τῷ τε δαίμονι / τῷ τ' ἀνδρὶ τῷ θανόντι σύμμαχος πέλω* (ст. 244–245), он добавляет к нему проклятие в адрес убийцы: *κατεύχομαι δὲ τὸν δεδρακότ', εἴτε τις / εἴς ὃν λέληθεν εἴτε πλειόνων μέτα, / κακὸν κακῶς νιν ἄμωρον ἐκτρίψαι βίον* (ст. 246–248), – а затем называет словом *ἀρά* уже и само требование исключить убийцу или его укрывателя из общения – в новом проклятии, обращенном уже к себе самому, Эдип говорит *ἐλεύχομαι ... παθεῖν ἄπερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην* (ст. 249–251)¹⁴.

¹⁴ На жанровую двойственность монолога, включающего в себя сразу и указ, и проклятие, обратил внимание Дайсон (Dyson 1973). Он полагает, правда, что сначала требование об исключении виновного из общения звучит только как часть указа и лишь впоследствии, в следующих частях пьесы, переосмысливается как проклятие. По его мнению, Эдип добавляет проклятие в ст. 246–248, имея в виду ситуацию, в которой убийца останется не разоблачен: тогда пусть боги сделают его жизнь несчастной. Однако этот

Итак, смысловая двойственность ст. 236–243 возникает оттого, что этот пассаж, задуманный и необходимый автору в качестве проклятия убийце, помещается в контекст указа, требующего от фиванцев выдать убийцу. Эта двойственность соответствует и тем двум ролям, которые, не догадываясь о том, играет сам Эдип и которые иронически подчеркивает Софокл: Эдип — и убийца, и знает об убийстве; к нему относятся все те проклятия, которые он адресует и убийце, и его укрывателям.

Теперь стоит посмотреть, как Софокл пытается разрешить возникшую непоследовательность в самом разбираемом пассаже.

Как мы уже отмечали, основанием для исключения виновного из общения в городе назван здесь тот факт, что он, согласно оракулу, является носителем μίασμα (ὡς μιάσματος / τοῦδ' ἡμῖν ὄντος, ὡς τὸ Πυθικὸν θεοῦ / μαντεῖον ἐξέφηεν ἀρτίως ἐμοί, 241–243). Это справедливо по отношению к убийце, но никак не применимо к скрывающему правду возможному информанту. Потому Эдип адресует свое проклятие не всякому информанту, а только самому убийце и его близким (εἰ δ' αὖ σιωπήσεσθε, καὶ τις ἢ φίλου / δείσας ἀλώσει τοῦπος ἢ χαῦτοῦ τόδε, 233–234). Близкие, находящиеся в непосредственном общении с убийцей, подвержены той же скверне, что и он сам; поэтому Эдип готов обратить проклятие и против себя, если он сознательно укрывает убийцу в собственном доме (ἐπεύχομαι δ' οἴκοισιν εἰ ξυνέστιος / ἐν τοῖς ἐμοῖς γένοιτ' ἐμοῦ ξυνειδότος, / παθεῖν ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην, 249–251). Прекрасной иллюстрацией этого представление является одно место из диалога Платона «Евтифрон», которое обнаруживает столь большую лексическую близость пассажи из «Царя Эдипа», что его можно было считать аллюзией на текст Софокла. Евтифрон объясняет Сократу, что он прав, преследуя своего отца, которого считает виновным в гибели фета, т.е. наемного работника. По его словам, если бы он стал жить в одном доме с убийцей, разделяя с ним очаг, и, зная об убийстве, не донес бы на отца, на него распространилась бы скверна:

Γελοῖον, ᾧ Σώκρατες, ὅτι οἷε τι διαφέρειν εἴτε ἀλλότριος εἴτε οἰκεῖος ὁ τεθνεώς, ἀλλ' οὐ τοῦτο μόνον δεῖν φυλάττειν, εἴτε ἐν δίκῃ ἔκτεινεν ὁ κτείνας εἴτε μή, καὶ εἰ μὲν ἐν δίκῃ, ἔαν, εἰ δὲ μή, ἐπεξίεναι. ἔάντερ ὁ κτείνας συνέστιός σοι καὶ δημοράτηςος ἦ· ἴσον γάρ τοι μίασμα γίγνεται ἔαν συνῆς τῷ τοιοῦτῳ συνειδώς καὶ μὴ ἀφοσιοῖς σεαυτὸν τε καὶ ἐκείνον τῇ δίκῃ ἐπεξιώων (4b–c).

Смешно, Сократ, что ты думаешь, будто есть какая-то разница, был ли погибший мне чужим или близким, и не нужно обращать внимание только на то, правильно ли убил убивший или нет, и если правильно, то оставить его в покое, а если нет, то преследовать — поскольку убивший делил со мной очаг и стол. Ведь равная возникает скверна, если ты находишься вместе с таким человеком, зная о нем, и не очищаешь и себя, и его, преследуя его правосудием.

Второй способ, с помощью которого Софокл смягчает непоследовательность своего текста, — это некоторая неопределенность фразы ὡς μιάσματος τοῦδ' ἡμῖν

случай Эдип рассматривать не может. Единственная цель, к которой он стремится, — это раскрытие личности убийцы. Дайсон неверно понимает и фразу ἄλλερ τοῖσδ' ἀρτίως ἠρασάμην в ст. 251, относя вслед за Джеббом τοῖσδε к убийцам, упомянутым в ст. 247. Как мы видели, такое понимание τοῖσδε невозможно, это местоимение может отсылать только к объекту угрозы в ст. 236–243; таким образом, уже здесь, в ст. 251, эта угроза названа проклятием.

ὄντος (ст. 241–242). Любопытно, что Тиресий, цитируя указ Эдипа в следующей сцене, немного меняет слова и всю конструкцию. Он велит царю (ст. 350–353):

ἐννέλω σέ τῳ κηρύγματι
 ᾧπερ προεἶπας ἐπιμένειν, κάφ' ἡμέρας
 τῆς νῦν προσαυδᾶν μήτε τοῦδε μήτ' ἐμέ,
 ὡς ὄντι γῆς τῆσδ' ἀνοσίφ μίστωρι.

Я велю тебе выполнять
 То решение, что ты провозгласил, и с нынешнего дня
 Не обращаться с речью ни к этим людям, ни ко мне,
 Поскольку ты и есть нечестивый осквернитель нашей земли.

Вместо μίστωρα он прибегает к слову μίστωρ, однозначно указывающему на убийцу, и относит причастную конструкцию к σέ (дательный падеж зависит от глагола ἐννέλω, и употреблен он здесь вместо родительного, чтобы причастный оборот не оказался зависящим от ἐμέ). Таким образом, здесь эта фраза совершенно определенно указывает на убийцу Эдипа, являющегося источником скверны и потому подлежащего наказанию. В монологе Эдипа, однако, тот же причастный оборот звучит совсем иначе. Слово μίστωρα описывает не человека, а явление¹⁵; причастная конструкция не согласована с τὸν ἄνδρα τοῦτον, а употреблена абсолютно; местоимение τοῦδε едва ли может относить ее к «этому человеку», определенному совсем другим указательным местоимением. Кажется, эти три грамматических факта в совокупности говорят о том, что Эдип имеет в виду не столько убийцу, сколько вообще скверну, происходящую от убийства. τοῦδε тогда стоит понимать как форму среднего рода, а не мужского: «Поскольку это – скверна для нас». τότε и μίστωρα, обозначающие не конкретного человека, а вообще все явление скверны, могут быть отнесены уже к любому, на кого скверна распространяется, и при такой интерпретации фраза будет объяснять, почему отверженным должен оказаться не только сам убийца, но и его близкие.

В этой статье я коснулся важной особенности стиля Софокла, которую необходимо учитывать при интерпретации его текста. Комментаторам свойственно ожидать от текста логического порядка и последовательности. Однако часто они добиваются этого порядка, искажая очевидный смысл отдельных мест. Нам стоит признать, что поэт может допускать непоследовательность, жертвуя ясностью в изложении фактов ради других целей, которые оказываются для него важнее. Софокл в большей степени стремится к риторической выразительности и к драматической целостности, нежели к логической ясности и определенности. В данном случае он создает пассаж большой эмоциональной силы, к которому персонажи смогут обращаться вновь и вновь в течение всей драмы и который определит в конце концов саму судьбу Эдипа. Этот пассаж помещен в не вполне подходящий контекст, автор пытается сгладить противоречия, возникающие между пассажем и его контекстом, некоторая несогласованность все же остается, но это Софоклу не очень важно, так как его художественные задачи совсем иные.

¹⁵ В классической греческой литературе μίστωρα лишь однажды обозначает человека, являющегося источником скверны, – в ст. 1028 из «Хоэфор», который, возможно, является позднейшей вставкой (см. Fraenkel 1950, 778 и 815).

Литература / References

- Blaydes, F.H.M. (ed.) 1859: *Sophocles, with English Notes*. Vol. I. London.
- Campbell, L. (ed.) 1879: *Sophocles*. Vol. I. *Oedipus Tyrannus. Oedipus Coloneus. Antigone*. 2nd ed. Oxford.
- Carawan, E. 1999: The edict of Oedipus (*Oedipus Tyrannus* 223–51). *American Journal of Philology* 120, 187–222.
- Classen, J. 1861: Ueber die Rede des Königs Oedipus in Sophokles *O.R.* 216–275 [mit Erwiderung]. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 489–500.
- Dyson, M. 1973: Oracle, edict, and curse in *Oedipus Tyrannus*. *Classical Quarterly* 23/2, 202–212.
- Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.
- Fraenkel, E. (ed.) 1950: *Aeschylus. Agamemnon*. Vol. I–III. Oxford.
- Henry, A.S. 1969: Sophocles, *Oedipus Tyrannus* 222–43. *Classical Review* 19/2, 125–126.
- Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles: The Plays and Fragments*. Pt.I. *The Oedipus Tyrannus*. 3rd ed. Cambridge.
- Knox, B.M.W. 1957: *Oedipus at Thebes*. New Haven.
- Knox, B.M.W. (transl.) 1959: *Sophocles. Oedipus the King*. New York.
- Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. 1990: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.
- Lloyd-Jones, H. (ed.) 1994: *Sophocles*. Vol. I. *Ajax. Electra. Oedipus Tyrannus*. (The Loeb Classical Library, 20). Cambridge (MA)–London.
- Ribbeck, O. 1858: Zu Sophokles. *Rheinisches Museum für Philologie* 13, 129–132.
- Ribbeck, O. 1861: Erwiderung an Herrn Direktor Dr. Classen: die Rede des Königs Oedipus in Sophokles *O.R.* 216 ff. *Rheinisches Museum für Philologie* 16, 501–510.
- Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1856: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannus*. 3. Auflage besorgt von A. Nauck. Berlin.
- Wecklein, N. (ed.) 1880: *Sophocles. Oedipus Rex*. Leipzig.